

Д.Клещев
**ПРОТИВОЗАКОНИЕ АНТИХРИСТА
И ЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ В МАТЕМАТИКЕ**

Поверженный дракон. (Гравюра В.Х. фон Хохберга)

D.Kleschew
**LAWLESSNESS OF THE ANTICHRIST
AND LOGIC PARADOXES IN MATHEMATICS**

*И зверь, который был, и которого нет,
есть восьмой из числа семи, и пойдет в погибель.*

Откровение св. Иоанна Богослова

Религиозные, метафизические или материалистические учения никогда не раскрывали перед человеком всю полноту истины; как бы ни был высок уровень обобщений, все проявленное, в той или иной степени, обладает свойством конечного, а потому может быть истолковано и понято в отрыве от всей непрерывной целостности процесса. Никто не в состоянии преподнести знание истины в виде готового эликсира или рецепта по его изготовлению. Однако это не означает, что все наши стремления приблизиться к истине лишены смысла, что мы не способны испытывать свою сопричастность к ней. Только такое посвящение, которое не может быть выражено с помощью слов или знаков, которое открывается человеку лишь в его разуме, только его мудрецы древности признавали истинным посвящением. Тем более следует помнить об этом при исследовании *сложных*¹ вопросов, и в особенности, если речь заходит о выяснении первоисточника лжи.

Древний змий согласно христианскому мировоззрению является искусителем человеческого рода и отцом лжи, вводящим людей в заблуждение и действующим по божественному попущению в определенные промежутки времени. Было бы несправедливо утверждать, что иудео-христианские представления сложились разом, вне исторического контекста, как бы сами по себе «*ex nihilo*». Мифологема древнего змия, так же, как образы древа жизни, вселенского яйца, первого человека, божественного напитка и т.д., прослеживается во многих культурах, и если ревнители христианской веры не обращают на это внимания, то делается это исключительно ради того, чтобы соблюсти чистоту канона.² О том, как лавинообразно может нарастать ком гипотез при попытке рассмотрения общих религиозно-мифологических образов, свидетельствует множество эзотерических учений и околонучных теорий, которые обращают взгляды в прошлое с целью поиска внеземной

¹ «Сложный вопрос» и есть вопрос, ответ на который *слагается* из различных частей. Математизация данного прилагательного характерна практически для всех современных языков (*complex, difficult* и проч.), однако в русском языке мы имеем возможность несколько глубже передавать его логическую суть, поскольку оно естественным образом совмещается с определением «ложь». В этом смысле *с-ложный* представляется не обычным суммированием частей, но и, кроме того, предостережением о наличии среди слагаемых предикатов ложных суждений.

² В рамках научной парадигмы со времен Аристотеля действует совершенно аналогичный принцип достаточного основания, согласно которому не следует преумножать гипотез, если явление можно объяснить в рамках уже существующей концепции. Примечательно, что если Лаплас, ни разу не упомянувший божественное разумение в своем научном трактате о возникновении солнечной системы, применял этот принцип для исключения гипотезы существования Бога, то монах-францисканец Оккам, по имени которого тот же принцип был назван «бритва Оккама», напротив, утверждал достаточность для понимания всех возможных явлений одного понятия «Бог», сославшись на которое можно объяснить все, что угодно.

расы, породившей людей, либо единой высокоразвитой протоцивилизации.³ Но, как бы то ни было, нельзя отрицать, в частности, очевидного сходства апокалипсического древнего змия, называемого диаволом и сатаной, и ведического змея Ананта-Шеши, их исторической и архетипической взаимосвязи. Описание змея, которое приводит Тайнозритель в Апокалипсисе совпадает с классическим индуистским изображением Вишну и змея Ананты настолько, что его можно было бы принять за произвольное толкование ведического памятника человеком, принадлежащим к иной культуре.⁴

Рис.1. Вишну, отдыхающий на кольцах змея Ананта-Шеши, вместе с богиней удачи Лакшми. На лотосе, произросшем из пупка Вишну, предстает Брахма, создающий во время своей медитации вселенную, разрушаемую Шивой.

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Откр. 12, 1-5). Примечательны здесь, может быть, даже не только внешние совпадения: Ананта-Шешу, обитающего в водах мирового хаоса, тоже изображают гигантским змеем со множеством голов, каждая из которых часто украшается короной. Гораздо важнее содержательная составляющая двух религиозно-мифологических образов, а именно то, что оба змея связываются с эсхатологическими представлениями, и то, что оба они олицетворяют собой источник внушаемых сознанию человека иллюзий.

«Он всегда стоит выше гун материальной природы, но, так как Ему поклоняется разрушитель Шива, повелитель тамо-гуны, или гуны тьмы, Его иногда называют Тамаси. Повелитель Ананта управляет гуной невежества, а также ложным Я всех обусловленных душ. Когда обусловленное существо думает: "Я – наслаждающийся, этот мир существует лишь для моего удовольствия", то эти представления внушает ему Санкаршана. Так падающая, обусловленная душа мнит себя верховным Господом» («Бхагавата-пурана» 5.25.1). Тело змея Ананта-Шеши нематериально, или абстрактно, так же, как

нематериальной является демоническая природа сатаны. Тем не менее, на земле он обретает материальное воплощение и действует посредством вполне реальных, осязаемых существ. Именно конкретизация земных проявлений древнего змия отличает христианство от прочих религий.

После низвержения с небес сатана в облике семиглавого древнего змия передает свою силу и власть зверю, на котором восседает блудница; зверь этот также имеет семь голов, однако на этот раз уже десять диадем венчают десять рогов зверя. Тайнозритель получает разъяснение, согласно которому блудница сия есть Вавилон великий, а семь голов зверя суть семь гор, на которые опирается Вавилон, и семь царей, один из которых придет на недолгое время. К семи царям присовокупляется еще один, восьмой, который окажется вторым зверем, *«имеющим рога, подобные агнчим»* (Откр. 13,11). Этот второй зверь примет власть после того, как десять царей, скрытые под видом десяти рогов, разорят и сожгут Вавилон, и съедят плоть блудницы, и будет править совместно с десятью царями, заставляя людей поклоняться первому зверю, и сделает так, чтобы на каждого человека было положено начертание числа имени зверя. Такова, если говорить кратко, основная канва событий, связанных с воцарением на земле антихриста или, иными словами, материального воплощения абстрактной демонической сущности диавола.

Рис.2. Вавилонская блудница, восседающая на багряном звере.

³ Несмотря на явный успех данных теорий в т.н. постмодернистском обществе, ни одна из них не дает достоверного понимания сути происходящего, вместе с тем, технологии будущего в них предлагается получать воспроизведением тех или иных фрагментов древних культур, что может стать не столько толчком к совершенствованию человека и появлению новых возможностей, сколько причиной усадки и запустения, подобного запустению легендарных доисторических цивилизаций.

⁴ Этим, конечно, не исчерпывается сходство христианских и индуистских представлений. Так, десятая аватара бога Вишну (Калки или «Белый конь») усматривается в описании верного и истинного воина: *«И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует»* (Откр. 19, 11). Почти дословная преемственность религиозных традиций прослеживается в новозаветном *«Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. Первый и последний»* (Откр. 22, 13) и в упанишадах Бхагавадгиты *«Я всего мира начало, а также конец... Из букв я «А»; из сочетаний я двоица»* (перевод акад. Б.Л.Смирнова) и т.д. Не удивительно, что в некоторых апокрифических текстах говорится о путешествии Иисуса Христа в Индию, чему способствует созвучие имени Христу или Кришну, а в гностической и теософской литературе принято умалчивать значение христианства как религии, искажившей более древнее мистическое посвящение. Но сама история, как объективный процесс, вне всяких сомнений, подтверждает весьма важную роль христианства вместе со всеми теми «искажениями», которые ему обыкновенно ставят в вину последователи оккультизма.

Иносказательность Откровения всегда приводила, приводит и, думается, еще будет приводить к самым различным его толкованиям. Наиболее убедительные из них всегда становились причиной и оправданием вражды для противоборствующих социально-политических и религиозных групп, применявших текст Апокалипсиса для ослабления соперников и захвата власти. Так было в самом начале зарождения христианской цивилизации, так было в средние века, в эпоху реформации, в период империалистических войн. Религиозно-идеологическая борьба велась на протяжении всего XX века и непрестанно ведется на современном этапе. Одним из последних примеров использования образа зверя в преследовании политических задач явилась разработка антисоветской пропаганды, распространяющейся при активном содействии православной церкви.⁵ И вот проклятый зверь оказался повержен, а царствие небесное все никак не наступает. Более того, «возрожденное» российское государство по ряду социальных признаков и символических примет пуще прежнего напоминает образ зверя, и вот уже готовится почва и посеяны зерна для нового «агнчего» пришествия. В самом деле, взглянув на историю христианской цивилизации, создается впечатление, что образ зверя функционирует в ней как самоподобный фрактал, повторяющийся на каждой стадии ее исторического развития.

Римско-католическая церковь укрепляется и наследует власть вслед за зверствами императора Нерона, которого традиционно принято рассматривать как некий праобраз апокалипсического зверя. Вслед за крестовыми походами и бесчинствами инквизиции в качестве антихриста начинает рассматриваться уже сам Римский папа. Так, сэр Исаак Ньютон⁶ в своих известных комментариях на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна Богослова доказывал, что малым рогом зверя, «который был отличен от всех и очень страшен, с зубами железными и когтями медными» (Дан. 7,19) является католическая церковь.

За обвинениями со стороны набиравшей силу протестантской церкви, последовало взаимное обвинение церкви католической, считавшей имя Мартина Лютера, основателя протестантского движения, анаграммой одного из широко распространенных имен дьявола *Lucifer*. И действительно, успех протестантизма вылился в череду революций, захватнических войн с образованием колониальных империй, в том числе, империи Наполеона, еще одного поверженного претендента на роль антихриста. Затем господство протестантизма сменилось атеистическими учениями, в авангарде которых оказалось учение К.Маркса о диалектическом материализме. Далее возникает еще более глубокое обличение протестантизма в философии Ф.Ницше, некоторые положения которой, как известно, были восприняты фашизмом в качестве идеологического оружия. Но, несмотря на все обилие павших антихристовых голов, исторический фрактал апокалипсического зверя продолжает существовать, и каждый последующий его виток по-прежнему продолжает воспроизводить все новые и новые головы гидры.

Поскольку интерпретация событий Апокалипсиса отнюдь не устраняет проблему земных воплощений древнего змия и каждая попытка толкования рано или поздно начинает использоваться в корыстных интересах, то целесообразнее обратиться к рассмотрению главной причины, по которой становится возможным переход из одной самоподобной структуры апокалипсического зверя в другую. В самом Откровении св. Иоанна Богослова этот переход связывается с образом вавилонской блудницы, держащей золотую чашу, «наполненную мерзостями и нечистой блудодействия ее» (Откр. 17,4). После того, как десять царей, которые суть части зверя, на котором сидит блудница, съедают ее плоть, силу обретает второй зверь, действующий со всею властью первого зверя. Другими словами, обман, с помощью которого действует блудница, или «город, царствующий над земными царями» (Откр. 17, 18), усваивается теми, кто еще не получил власть, чтобы взрастить другого зверя. Внушаемая апокалипсической блудницей иллюзия в точности повторяет принцип ложного Я змея Ананта-Шеши, мнящего себя верховным Господом, «ибо она говорит в сердце своем: "сижу царицею, я не вдова и не увижу горести!"»

Рис.3. Гравюра Лукаса Кранаха, изображающая Антихриста в окружении десяти царей.

⁵ Позаимствованный из старообрядческого раскола образ, представляющий Москву, стоящую на семи холмах и принявшую никонианскую церковную реформу, вавилонской блудницей, а императора Петра I, завершившим подчинение русской православной церкви монархической власти, соответственно, антихристом, был переписан и дополнен в соответствии с историей образования Советского Союза. С той разницей, что место антихриста на этот раз занял товарищ Сталин, а на место других царей были возведены руководители коммунистической партии. При всей этой антисоветской концепции православная церковь совсем не прочь, как оказалось, использовать для укрепления своего мистического влияния ассоциативный ряд, связывающий маршала Советского Союза Г.К.Жукова, принимавшего парад Победы на белом коне, с Георгием Победоносцем, либо указывать на масонское происхождение советской звезды, первоначально имевшей синий цвет, а затем красный, и умалчивать о сплошь и рядом встречающейся масонской же символике в дореволюционной России, не исключая российский триколор и двуглавого орла. Впрочем, о внутренней противоречивости, присущей внушаемым ложным представлениям, будет сказано далее.

Еще более возмутительно выглядят попытки духовенства обвинить во всех бедах, обрушившихся на Россию в XX веке, русский народ и заставить раскаиваться перед ликом убиенного императора Николая II, с которого была снята всякая историческая ответственность, прежде не покаявшись сами и не сопоставив, как следует, нашу историю с буквой Писания, толкованиями которого так искусно научились пользоваться отцы церкви. Тем более странно, что никто из них, взявших на себя право осуждать русский народ, так и не связал имя Николая II с возможной принадлежностью его к образу зверя, «который имеет рану от меча и жив» (Откр. 13, 14). Между тем, Николай II по стечению обстоятельств был царем, который имел на голове отметину от меча, полученную в результате покушения в Японии во время кругосветного путешествия.

⁶ Заметим, не избежавший подобной участи, обвиненный в богохульстве и часто поминаемый служителями церкви как антихрист.

(Откр. 18, 7). В самом деле, блудница⁷ есть ни что иное как введение в заблуждение и коварная ложь Вавилона великого, сумевшего прельстить и приблизить к себе все племена и народы мира. Однако приблизить к себе земные народы, со всем разнообразием их культур и верований, невозможно, утверждая что-то одно, будь то языческое, христианское, пантеистическое или же атеистическое представление. Лишь заявив об абсолютной равнозначности этих представлений, лишь самым противоречивым образом предположив, что все религиозные представления в равной степени и целиком исходят от бога, одинаково истинны, только так можно всех обмануть и над всеми возвыситься. В этом состоит неправда и нечистота вавилонской блудницы, и сам выбор данной аллегории; в этом заключается и неизбежность ее падения, так как подобное воцарение делает невозможным дальнейшее совершенствование человеческой цивилизации. Раз парадоксальная «истина» оказалась достигнута, то историческое развитие становится бессмысленным, так же, как и стремление к истине, которую начинает заменять хаос смешения культур. При этом каждая культура все более утрачивает свое внутреннее содержание и приобретает черты нелепого маскарада.

Наша современная цивилизация с ее мультикультуризмом, дезинформационным полем и претензиями на глобальное доминирование не является каким-то исключительным историческим феноменом, который не может быть вписан в апокалипсический образ зверя. Если империи древнего мира лишь приближались к границам ойкумены и пользовались вавилонским устройением лишь от случая к случаю,⁸ то в наши дни мы, пожалуй, впервые в истории сталкиваемся с тотальным явлением блудницы, которое отчетливо проступает под покровом псевдодемократической демагогии. Неудивительно поэтому и распространение антиамериканских настроений, и постепенно нарастающее разобщение русской православной церкви, в связи с чем достаточно вспомнить о проповеди опального епископа Анадырского и Чукотского Диомида, усмотревшего, как и многие другие верующие, во введении индивидуального налогового номера число имени зверя.⁹ Чем усерднее и ожесточеннее ведется борьба с противниками «нового мирового порядка» и очередным христианским раскольниковством, тем очевиднее для всех становится богоотступничество церкви и лицемерие вырождающихся демократических принципов, тем сильнее кризисные явления в так называемой мировой экономике и политике. Так замыкается порочный круг исторического фрактала и возникает другая реальность, связанная с распадом и расчленением на этот раз уже Вашингтонской блудницы. Надо полагать, с не меньшими угрозами хаоса и возможными потерями.

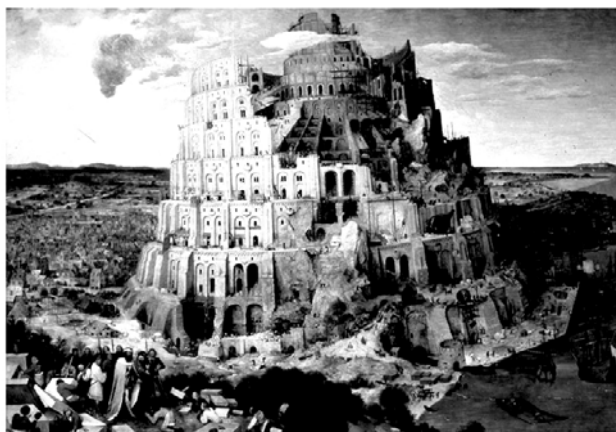

Рис.4. Вавилонская башня как архетип исторического фрактала.

⁷ Сопоставимо со старорусским значением матерщины «блядь», понимаемой в смысле злостная ложь. Например, в сочинении протопопа Аввакума о сотворении мира, когда тот опровергает еретические учения, читаем: «Мы же со Христом отвечаем сице: все сие речение – блядь, а не церковный разум» (см. коммент. Н.С.Демковой. Звездочет: русская фантастика XVII века. Т. II, М., 1990. С.179). Ненормативная лексика, в том числе тюремный жаргон, ставшая в наши дни по существу языковой нормой, имеет поэтому онтологический смысл, являясь отражением уродливого состояния общества. И когда русский человек, вопреки увещаниям сподвижников чистоты языка, продолжает через слово безбожно материться «я, ..., сказал то-то», «я, ..., сделал то-то», тем самым он показывает нам правду, которую государственной и церковной власти предпочтительнее всего скрывать, а именно то, что говорить и действовать ему приходится в соответствии с общественной системой, внедряющей в его сознание несправедливость и ложь.

⁸ Исключением, пожалуй, стоит назвать империю Александра Македонского, в которой принцип равнозначности различных религиозных взглядов и культур был провозглашен главенствующим принципом всего надгосударственного управления.

⁹ Вместе с естественным неприятием, связанным с присвоением номера человеку (не документу или вещи, а именно человеческой личности), весьма странно было бы прочесть Апокалипсис и не усмотреть в ИНН то самое начертание, обозначающее имя зверя или число имени его. Поражает не только то совпадение, что «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание» (Откр. 13,17), но и то, что шестидесятиричная система вавилонского счисления в силу своих особенностей как нельзя лучше описывает современную систему кодирования, составной частью которой является индивидуальный налоговый номер человека. Поскольку число 1 и все степени числа 60 записывались в вавилонской системе вертикальным клином и определить, что за число записано, без уточняющих сведений не представлялось возможным, то число шестьсот шестьдесят шесть, записанное вавилонскими знаками, то есть вертикальными клиньями, следует признать удивительно точной визуальной и криптографической метафорой штрих-кода UPC, ставшего праобразом для разработки обширного семейства других цифровых кодов.

Люди не понимают этой вот вечно-сущей истины, пока не услышат о ней; не понимают они и тогда, когда слышат о ней впервые.

Гераклит Темный

Введение в заблуждение подразумевает не просто формулировку явной лжи или открытой призыв к совершению незаконного деяния, оно непременно должно содержать в себе определенную долю правды, хотя бы самую малую ее крупицу. Но труднее всего объяснить и понять сущность такого заблуждения, которое так похоже на правду, что, может быть, и лжи-то в нем почти не содержится, когда на все охваченное им множество возможных утверждений найдется всего одно такое, которое уже не будет правдой. В логике такой предельный случай смешения истины и лжи известен под названием антиномии. В дословном переводе с греч. **αντινομία** и есть *противозаконие* или суждение, в котором два противоположных высказывания *A* и *не-A* признаются одинаково обоснованными, олицетворяя, таким образом, некий сам себе противоречащий логический закон.¹⁰

В своем философском трактате «Столп и утверждение Истины» выдающийся мыслитель П.Флоренский, подверг явление антиномии скрупулезному исследованию и, как известно, обосновал ту мысль, что раз истина «должна быть формулой не-условною»¹¹ и по определению включать в себя все возможные отрицания¹², то антиномия есть ни что иное как выражение божественной истины. Ему же принадлежит запись символического определения антиномии:

$$P = (p \cap \neg p) \cap V.$$

«Антиномия есть такое предложение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно тезис и антитезис, так что недоступно никакому возражению».¹³ Обозначение *V* (от лат. *Veritas*, «Истина») потребовалось здесь для того, чтобы обозначить необходимое условие¹⁴, то самое «*conditio sine qua non*», без которого приведенное определение антиномии не будет выражать собой истину, потому что в точности той же записью выражается и определение лжи (символ *A*, перевернутое *V* или $\neg V$):

$$A = (p \cap \neg p).$$

Возникает вопрос, разве возможно тогда провести между истиной и ложью мыслительный водораздел, если и то, и другое должно совмещать в себе тезис и антитезис, если «*по своему составу P несколько не разнится от простого противоречия A*»¹⁵? Ведь введение в заблуждение всегда совмещает в себе благое намерение (*p*) и дорогу в ад ($\neg p$). Это неизбежное сомнение, обусловленное признаками антиномийности уже в древнем мифе об андрогинной природе первочеловека, а также в физиологическом строении мозга, П.Флоренский справедливо называет началом духовного подвига веры; причем единственным помощником на этом пути может выступать лишь непоколебимый авторитет и указующий перст духовной власти.

Однако христианство обладает тою редкой для религии чертой, что в его основных положениях недвусмысленно говорится о постепенном забвении и духовном разложении самой христианской церкви.¹⁶ Для антиномийного разума религиозного человека сложнее всего смириться с этой возможной потерей духовного наставника и проводника, так как нет ничего хуже, когда из состояния сомнения не найдется больше выхода во всецелом положении на мудрость отцов церкви. Поэтому для П.Флоренского в его теодицее весьма значимо доказать житейский смысл¹⁷ изречения Иисуса Христа апостолу Петру: «*Истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня*» (Мк. 14, 30). Хотя нельзя отрицать, что слова эти могут иметь более глубокое провиденциальное содержание, подобно другим

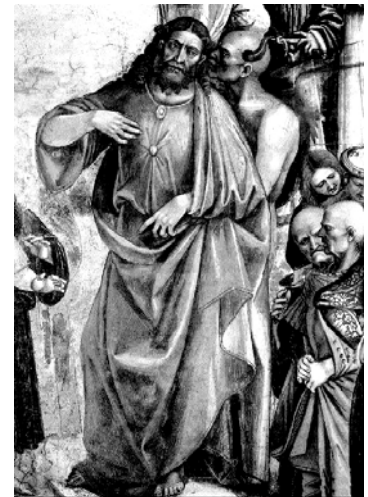

Рис.5. Изображение Антихриста на фреске Луки Signorelli.

¹⁰ Забегая вперед, сразу уточним, что «закон» антиномии, коль скоро мы используем это слово, состоит в том, что он не-закончен, поэтому здесь уместнее говорить о мнимом законе антиномии или об иллюзии логического закона.

¹¹ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1. С.145

¹² На утверждение «*это книга*» (*A*) можно возразить «*это не книга, а бумага*» (*не-A, B*), которое можно опровергнуть утверждением «*это не бумага, а знания*» (*не-B, C*) и т.п., при этом все эти отрицания будут верно отражать различные свойства одного и того же предмета, о котором ведется речь.

¹³ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1. С.152

¹⁴ Откуда следует заключить, что «не-условной» формулы истины у философа не получилось. Можно было бы не заострять на этом внимание, если бы данный факт само-противоречивости антиномийных умозаключений не вызывал опасения в надежности тех знаний, которые с их помощью обретаются.

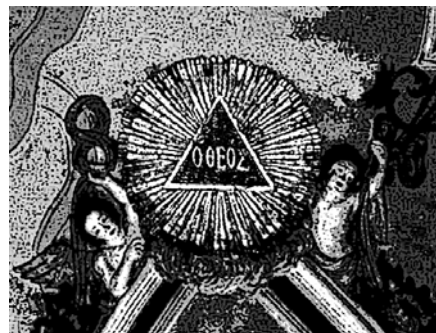
¹⁵ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1. С.152

¹⁶ Соответствующие выдержки из Писания всегда приводили к обвинениям в богоотступничестве той или иной церкви, а герменевтика апокалиптического «*Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его*» (Откр. 21, 22-23) вдохновила иезуита-каноника Адама Вайсхаупта основать в XVIII веке орден баварских иллюминатов, и вовсе утверждавших, что тайное учение Иисуса Христа состоит в отмене христианской религии.

¹⁷ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1. С.405

словам Иисуса, обращенным к Петру: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи от Царства Небесного» (Мф. 16, 18-19). И далее, когда Петр уговаривает Иисуса не входить в Иерусалим, читаем: «Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16, 23). Провидение заключается в том, что христианская церковь со временем действительно распалась на три основные ее ветви: католицизм, православие и протестантизм. Причем, несмотря на заслуги трех ветвей в поддержании страждущего человечества, в истории найдется немало доводов, могущих послужить упреком каждой из них и, таким образом, всей *трижды отрекшейся* христианской церкви.

Если в евангелических текстах упрек иудео-христианской церкви тщательно завуалирован, то в Откровении он выводится со всей предельно допустимой ясностью в суровом предупреждающем послании к «семи церквам, находящимся в Азии» (Откр. 1, 4). Затем, еще более однозначно и безапелляционно, когда говорится о поклонении змию, который передал власть зверю: «И дано было ему вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13, 7). Для человека, привыкшего видеть в церковных стенах пристанище, где можно укрыться от неправды и разврата, затаиться от мирского безумия, немислимо само допустить, что они же могут стать надежным укрытием для древнего змия. В смутном предчувствии этого – весь ужас и боль Апокалипсиса для верующего человека. Тем не менее, **двуязычие давно стало обычной тактикой христианской церкви: осуждать «по закону Божьему», там, где выгодно, и говорить о том, что «на все воля Божия», там, где никакой собственной выгоды для церкви нет и быть не может.**¹⁸

«...и раскинет рясницу...» (Откр. 19, 8). Икона в Троице-Сергиевой Лавре. В равностороннем треугольнике, от которого исходят лучи, - надпись ΘΕΟΣ (перевод с греч. «Змий»). Слева от надписи ангел держит венки в виде символа бесконечности.

Зная о сложностях определения антиномии, становится понятно, почему духовенство способно говорить и действовать в соответствии с противозаконием антихриста, ничуть не мешая и даже, по мере возможности, помогая ему. Логические истоки антиномии П.Флоренский находит в математическом определении бесконечности, которая есть главный атрибут божественной истины, а именно, в двух ее разновидностях: бесконечности актуальной (∞A) и бесконечности потенциальной (∞P). Весь вопрос состоит в том, верно ли была раскрыта и понята мыслителем суть различий этих двух типов бесконечности.

В своем разъяснении к философскому трактату «Столп и утверждение Истины» П.Флоренский сетует на необходимость подразделения актуальной и потенциальной бесконечности и дает «*лишь предварительное определение бесконечности*»¹⁹, которое сводит к тому, что «*никогда не заканчиваемое, потенциальное, бесконечное есть переменное конечное количество, quantum, возрастающий над всеми границами или, наоборот, падающий ниже всякой границы*»²⁰, тогда как актуально бесконечное видится философу постоянной величиной, такой что она «*не стоит в ряду других постоянных, потому что она больше в с я к о й конечной константы, как бы великой мы ее ни взяли*».²¹ При этом представление об актуальной бесконечности ассоциируется им с природой божественного Разума, ибо «*могущество Божие актуально-бесконечно, потому что оно, будучи определенным (-в Боге нет изменения-), больше всякого конечного могущества*».²²

Очевидно, что П.Флоренский повторяет мнение основателя теории бесконечных множеств Г.Кантора, считавшего, что в рамках представления об ∞A возможно построение такого бесконечного множества, которое бы включало в себя, вообще говоря, все множества. Если б это было так, то, действительно, имелось бы *одно* актуально-бесконечное множество, мощность которого оказалась бы больше всякого другого множества. Но, как известно, попытка Г.Кантора построить бесконечное множество, составленное из всех трансфинитных чисел, уже натолкнулась на непреодолимое препятствие: оно само должно выражаться трансфинитным числом Ω , а значит, включать само себя и оказаться больше самого себя, что по определению, вытекающему из понятия об ∞A ,

¹⁸ В самом деле, обезличенное замаятинское «Мы» и все проблемы вопиющей бездуховности современного мира почему-то принято относить к эпохе «проклятого коммунизма», а чувство благодарности питать к девяностым годам прошлого века, времени, когда произошел настолько сильный надлом общества, что он затронул самые глубоководные его основы, такие как семья, совесть, сострадание, когда произошло возрождение материального облика православной церкви, но никак не содержательной ее составляющей. Поэтому вряд ли православная церковь имеет право с той же непосредственностью присваивать себе нравственные законы, продолжая проповедовать «*кому Церковь – не Мать, тому Бог – не Отец*». Впрочем, это можно отнести и к другим церквам, называющим себя христианскими, но которые не есть таковы, а все более и более вырождающиеся в апокалипсическое *сатанинское сборище*.

¹⁹ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1(II). С.494

²⁰ Там же. С.495 (Словами «*падающий ниже всякой границы*» философ подчеркивает связь ∞P с демоническими силами, о чем можно заключить из контекста всей XV главы трактата, однако факт «*падения*» можно зафиксировать лишь в том случае, если использовать понятие об ∞A , потому что бесконечное уменьшение ∞P , взятое само по себе, не может содержать какого бы то ни было «*падения*» ни в какой конкретной точке. Но оно возникает, когда некая условно-конечная граница, то есть пустое множество, представленное как актуально-существующее, принимается за точку отсчета, которую можно смещать произвольным образом, выдавая одно и то же безусловное понятие о ∞P то процессом бесконечного увеличения, то обратным процессом бесконечного уменьшения).

²¹ Там же. С.496

²² Там же. С.496

невозможно.²³ Позже математиками Э.Цермело и А.Френкелем была разработана система аксиом, позволяющих устранить подобные противоречия, полностью исключив из рассмотрения некоторые типы бесконечных множеств. Несколько модифицированная система аксиом Цермело-Френкеля²⁴ и теперь остается основой всей аксиоматики «ненаивной» теории множеств. Но для нас важно другое, важно то, что теоретико-множественная школа со всеми ее многочисленными логическими изворотами, так и не сформулировала *единого* актуально-бесконечного множества или *континуума*, в который верил Г.Кантор и который имел в виду П.Флоренский, говоря об актуально-бесконечном «*могуществе Божиим*». Реальная ситуация, складывающаяся сейчас в теории множеств, такова, что ни о каком канторовском «*абсолютном максимуме*» или проявлении *единого «сверх-разсудочного»* божества в ней не может быть и речи. Напротив, система аксиом Цермело-Френкеля подразумевает установление такой иерархии бесконечных множеств, которая живо напоминает пантеон языческих богов, каждый из которых связан родственными узами, но бесконечен *по-своему*, и нет более высшего принципа, по которому среди них можно выделить «*всеобъемлющего*», потому что все они происходят из одного и того же антиномийного хаоса смешения истины и лжи.²⁵

Понятие о потенциальной бесконечности, обусловленное в целом лишь простым прибавлением единицы, П.Флоренский в своем трактате, как и многие другие философы модернизма, считает дурной бесконечностью, не выражающей никакой идеи.²⁶ Причем вывод об этом, как ни странно, основывается на том, что с понятием ∞P связано представление о числе рациональных (от лат. *Ratio*, «*Разум*»), то есть таких, свойства которых поддаются вполне разумному и логическому определению. С точки зрения теологии этого явно недостаточно, чтобы выразить божественную истину, подобно тому, как ее выражает религиозный догмат. «*Сверх-разсудочный синтез*» истины должен непременно выражаться через идею числа иррационального, то есть находящегося в области *вне-разумной* и *вне-логической бытийности*. «*Что значит, например, $\sqrt{2}$? – Это значит то и только то, что в ходе решения мы наткнулись на стену. Мы искали некоторое число, а оказалось, что нет числа, которое удовлетворило бы условиям задачи: $\sqrt{2}$ есть символ арифметической невозможности*».²⁷ Этим, вроде бы, объясняется все различие человеческого разума и Разума божественного, но если мы устраняем единственное это подобие, которое находится между *материальным* и *идеальным*, то мы навсегда, необратимо превращаем человека в тварь.²⁸

Между тем, из доказательства, приведенного российским математиком А.Зенкиным²⁹, следует, что метод, с помощью которого Г.Кантор обосновал введение в математику понятия актуальной бесконечности, нельзя признать математически строгим. Так, используя канторовское определение диагонального действительного числа в полном соответствии с классической логикой, можно показать, что множество X всех действительных чисел на интервале от 0 до 1 отнюдь не является *несчетным* множеством, которое нельзя пронумеровать натуральными числами 1, 2, 3... n . Вывод о *счетности* всех действительных чисел, к которому пришел А.Зенкин, не только подтверждает теорему Аристотеля о существовании *на самом деле* лишь потенциальной бесконечности, и только ее, но и позволяет утверждать, что число $\sqrt{2}$ можно представить отношением m/n , где m и n – целые числа, $n \neq 0$, то есть утверждать, что арифметически число $\sqrt{2}$ должно полностью совпадать с определением рациональных чисел. Все, что для этого

²³ Стоит заметить, что мыслительная попытка Г.Кантора заключает в себе древний архетип уробороса или змея, заглатывающего свой хвост, который является традиционным символом понятия бесконечности.

²⁴ М.Клайн в своей книге «Утрата определенности» излагает ее так: «*Множества могут принадлежать другим множествам. Все множества – классы, но не все классы – множества. Классы не могут принадлежать большему классам. Различие между множествами и классами означает, что чудовищно большим совокупностям элементов не разрешается принадлежать другим классам. Тем самым исключаются канторовские множества, приводящие к противоречиям*» (М.Клайн. Утрата определенности. М., 1984. С.296)

²⁵ В действительности только хаос по-настоящему царит в мире математики, основанной на иллюзорном понятии актуальной бесконечности. Такой вывод напрашивается при ознакомлении с результатами, полученными К.Гёделем и представляющими собой еще один интересный случай антиномии: «*Если арифметическое утверждение G доказуемо, то оно должно быть недоказуемым, а если G недоказуемо, то оно должно быть доказуемым, поскольку недоказуемо то, что оно недоказуемо. Так как любое арифметическое утверждение либо истинно, либо ложно, то формальная система, которой принадлежит G , неполна*» (М.Клайн. Утрата определенности. М., 1984. С.305).

Данная теорема К.Гёделя словно подтверждает древнюю даосскую мудрость: «*Кто знает, тот не доказывает, доказывает тот, кто не знает*». Однако понятие о неполноте, которое вводит К.Гёдель, как раз поясняет причину, по которой становится возможным применение такой антиномии: если полагать, что неполная совокупность истинных утверждений является полной на основании того только, что она была искусственно подогнана под признаки непротиворечивой системы, то рано или поздно, найдется такое истинное утверждение, которое укажет на неполноту такой формально-подогнанной системы утверждений. Примером может послужить идея периодичности несводимых радикалов (см. статью «Возвращение Орфея. Гармония и дисгармония современной математики». Философия и культура, 2009, №5), которая, не приводя к противоречиям, сама по себе не является вполне доказанной и указывает на неполноту существующей в математике системы утверждений, подогнанной под непротиворечивую. Тогда можно предположить, что если идея периодичности несводимых радикалов окажется полностью доказанной, то обнаружится другая неполнота системы утверждений, которые будут существовать к тому времени. Таким образом, теорема неполноты и соответствующая ей антиномия К.Гёделя описывает потенциальный характер процесса познания и его непрерывную историческую взаимосвязь.

²⁶ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, П(II). С.495

²⁷ Там же. С.506

²⁸ Более того, тем самым искажается представление о божественном Разуме, раз человек был создан по *образу и подобию Его*: отрицание единой разумной природы Логоса не влечет за собой никакой *сверх-разумности*, а лишь констатирует извечное самодавление Хаоса и *без-умия*. Поэтому не правы ни те, ни другие, ни представители современной христианской реформации, ни адепты постмодернистской науки, между которыми намечилось установление некоторого конвенционального союза, ибо и те, и другие в глубинных своих положениях утверждают человека в качестве существа звероподобного.

²⁹ А.А.Зенкин. Ошибка Георга Кантора // Вопросы философии, 2000, № 2

требуется, так это ввести естественное и интуитивно понятное симметричное приближение к числу 2 на числовой прямой с помощью непрерывной десятичной дроби $1,99(9)$ и соответствующих каждому шагу дискретных значениях $2,01; 2,001; 2,0001$ и т.д.³⁰ Таким образом, если только классическую логику еще никто не отменил, и она пока имеет такое же право на существование, как металогика,³¹ не остается причин, по которым фундаментальную идею потенциальной бесконечности нельзя было бы признать полноценным и внутренне непротиворечивым методологическим инструментом познания.

Судя по всему, сам П.Флоренский хорошо понимал недосказанность изложенных им представлений об антиномии и переживал по этому поводу глубокое смутение. Иначе как еще можно объяснить его слова, обращенные к В.Кожевникову, о том, что «Столп и утверждение Истины», заслуженно снискавший к тому времени огромную известность, «до такой степени опротивел мне, что я часто думаю про себя: да не есть ли выпускание его в свет – акт нахальства, ибо что же, на самом-то деле, понимаю я в духовной жизни? И, быть может, с духовной точки зрения, он весь окажется гнилым».³² Чтобы понять, отчего могло возникнуть настолько резкое самоуничижение, а заподозрить П.Флоренского в пустом ханжестве никак нельзя, необходимо продолжить ход его антиномийных размышлений о бесконечности. Так как невозможно отрицать существование незавершенной ∞P ³³ и так как утверждение о ее существовании содержится совместно с противоположным утверждением о существовании завершенной ∞A , то имеет место следующее противоречие:

$$\infty V = \infty A \cap \infty P$$

либо

$$\infty A = \infty A \cap \infty P,$$

где истинное *общее представление о бесконечности* обозначено через ∞V , а ложное через ∞A . То есть, либо совмещение двух понятий о бесконечности выражает собой истинное утверждение, либо оно выражает собой утверждение ложное. Если мы признаем ∞V , то это значит, что общее представление о бесконечности является таким антиномийным определением, которое включает в себя, причем нераздельно и безусловно, тезис о ее завершенности (∞A) и антитезис о ее незавершенности (∞P). Если мы признаем ∞A , то это значит, что истинным представлением будет что-то одно: либо $\infty V = \infty A$, либо $\infty V = \infty P$. Поскольку понятие о незавершенной ∞P онтологически полностью зависит от понятия бесконечности, то исключить его невозможно, ибо тем самым мы поставим вопрос о том, существует ли вообще понятие бесконечности, поэтому в данном случае не останется ничего другого как признать ложным утверждение о существовании бесконечности актуальной (∞A).

Но этим, разумеется, не исчерпывается метод антиномии, потому что разобранный выше противоречие тоже можно представить антиномией, заменив логическое «либо» на логическое «и». Тогда запишем:

$$\infty V_1 = \infty V \cap \infty A$$

либо

$$\infty A_1 = \infty V \cap \infty A.$$

Истинно, что в *общем представлении о бесконечности* совпадает понятие истины и лжи, либо такое утверждение ложно? Все прочие антиномии, которые только можно вывести из данного противоречия будут бесконечно повторять этот вопрос о совпадении истины и лжи: ($\infty V_1 = \infty V \cap \infty A$ либо $\infty A_1 = \infty V \cap \infty A$) \rightarrow ($\infty V_2 = \infty V_1 \cap \infty A_1$ либо $\infty A_2 = \infty V_1 \cap \infty A_1$) \rightarrow ($\infty V_3 = \infty V_2 \cap \infty A_2$ либо $\infty A_3 = \infty V_2 \cap \infty A_2$) и т.д. Заметим, что бесконечное это повторение будет *счетным*, то есть само в себе содержать указание на единственно правильное разрешение сформулированного нами вопроса, состоящее в признании истинным лишь ∞P , следовательно, в признании ложным утверждения, что истина и ложь могут совпадать. Если же мы будем продолжать признавать истинность для общего представления о бесконечности определения ∞A , то мы будем вынуждены признать и *актуальность* антиномии извечного совпадения истины и лжи, сославшись на завершенность данного «закона»³⁴. Тем самым мы получим математически строгое доказательство, что истина и ложь могут совпадать. При этом

³⁰ Д.Клещев. Возвращение Орфея. Гармония и дисгармония современной математики // Философия и культура, 2009, №5

³¹ Даже основоположник одной из школ металогики Н.А.Васильев, провозгласивший о более общем характере металогики по отношению к логике классической, признавал познавательную силу эмпирической логики: «Металогика пригодна для всех миров, эмпирическая логика – только для одного нашего» (Н.А.Васильев. Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989. С.94-123). Хотя утверждение Н.А.Васильева об общем характере металогики можно было бы оспорить, по крайней мере, многие воображаемые миры с нарушением понятия причинности, созданные с помощью компьютерного моделирования (что, кстати говоря, являлось научным увлечением проф. А.Зенкина), в основе своей все-таки построены на принципах логики эмпирической.

³² Игумен Андроник. Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1(II). С.830

³³ «Не-завершенная» последовательность и есть последовательность «без-конечная», в полном соответствии с утверждениями классической логики.

³⁴ Точно так, ссылаясь на достаточность для существования актуальной бесконечности одного лишь вполне завершенного «закона ее построения», А.Френкель, например, возражал физику П.Бриджмену, который неоднократно критиковал диагональный метод Г.Кантора. (А.Френкель. О диагональном методе Г.Кантора // перевод Я.В.Шрамко. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №5, 2003, С.62-67)

совпадать, ни больше, ни меньше, но в общем представлении о бесконечности, которая является атрибутом божественного Разума и всеобъемлющей истины. Выражаясь более образно, мы получим доказательство того, что Бог и древний змий суть ипостаси одной и той же *«сверх-личности»*.

Таким образом, представление об актуальной бесконечности в математике требует от нас разумения антиномии как логически завершенного закона самопротиворечивости, невзирая на то, что в логике и философии антиномия задается как формула незавершенной совокупности тех знаний, посредством которых происходит ее построение.³⁵ Если же окончательно утвердить для себя актуальность противозакония, то, наверное, можно обрести некую иллюзию предела познаний. Более того, как было показано, из актуальности антиномии можно вывести тождество истины и лжи, Бога и древнего змия, добра и зла, и на основании этого возомнить себя носителем высшего *«знания»*. Но все религиозно-эзотерические представления и теории, в которых принимается подобный *«закон»*, на практике не приводят и не могут привести к гармоничному развитию отдельного человека или общества в целом.³⁶

Завершенная антиномия и антиномия незавершенная – вот то мельчайшее и почти неуловимое различие, обозначающее мыслительный водораздел истины и лжи, к которому подошел П.Флоренский. Только антиномия, понимаемая как потенция познания, является источником творчества, расширяющим, а не сужающим восприятие. Именно в таком понимании находят разрешение антиномии мыслителей древности, средневековых схоластов, И.Канта, Ф.Ницше и П.Флоренского, одну из которых философ связал с явлением Христа, который должен прийти для суда над миром и, в то же время, не для суда.³⁷ Разрешить такую антиномию П.Флоренского, не прибегая к идее о *едино-ипостасности* Бога и древнего змия (ведический Ананта в переводе с санскр. и есть *«Бесконечность»*), можно, если допустить, что для божественного Разума только и имеет смысл не осуждение человеческого рода, но осуждение проявившегося в материальном мире диавола и сатаны; той абстрактной демонической сущности, которая, по определению св. Иоанна Богослова, есть ни что иное как первоисточник лжи и *ἡ ἀνομία* (с греч. *«Беззаконие»*).³⁸ Однако ни беззаконие сатаны, ни противозаконие антихриста не в силах искоренить в человеке стремление к мудрости, гармонии и вечной любви. Как бы ни старались те извратить человеческое сознание, притупить интуицию, привить жестокосердие и мнимые ценности, все их чаяния неизбежно будут раскрыты и избличены, потому что нет ничего такого, чего бы не смог познать человеческий разум.

*Орел, уносящий поверженного змия.
(Гравюра В.Х. фон Хохберга)*

³⁵ *«Появление антиномии не есть результат субъективной ошибки; оно связано с диалектическим характером процесса познания, в частности, с противоречием между формой и содержанием. Антиномия возникает в рамках некоторой (быть может, явно не фиксируемой, но всегда фактически предполагаемой) формализации процесса рассуждения; она свидетельствует об ограниченности этой формализации и выдвигает задачу ее перестройки. Разрешение антиномии означает введение новой, более полной формализации, лучше соответствующей отображаемому содержанию. Из познания невозможно раз и навсегда исключить антиномии; вместе с тем для каждой антиномии возможно ее исключение посредством соответствующего изменения того способа формализации, в рамках которого она появилась»*. (Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. М., 1981. С. 445)

³⁶ Можно сказать, что антихрист равно находится как в смешении понятий истины и лжи, так и в дифференциации, при которой часть правды приобщается к ложному, а ложь приобщается к правде. Поэтому ни принцип *«разделяй и властвуй»*, ни так называемая теория управления хаосом, предлагающая превентивное устроение противоположных теоретических концепций, враждующих общественных движений и т.д., не могут служить целям продолжительного перспективного развития, потому что постепенно уровень хаоса в системе увеличивается настолько, что начинает грозить необратимыми последствиями ее спонтанного саморазрушения.

³⁷ П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т.1. С.165

³⁸ Там же. С.168

Список литературы:

1. П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1.
2. П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины / под ред. В.В.Степина, М., 1990, Т1(II).
3. Звездочет: русская фантастика XVII века. Т.II, М., 1990.
4. А.А.Зенкин. Ошибка Георга Кантора // Вопросы философии, 2000, № 2.
5. Д.Клещев. Возвращение Орфея. Гармония и дисгармония современной математики // Философия и культура, 2009, №5.
6. М.Клайн. Утрата определенности. М., 1984.
7. Н.А.Васильев. Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989.
8. А.Френкель. О диагональном методе Г.Кантора // перевод Я.В.Шрамко. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №5, 2003.
9. Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. М., 1981.

А также:

Апокалипсис. Откровение св.Иоанна Богослова

Тексты святого Евангелие

Книга пророка Даниила

Тексты Бхагавата-пураны и Бхагавадгиты

Эмблемы на меди В.Х. фон Хохберга

и другие.

